

* *
*

Иосифу Бродскому

Стремительный уход вызывает обиды,
глупые причитания на кого ты покинул,
хотя там, куда ты сгинул,
еще меньше готовы к приему гостя,
приземлившегося чуть ниже погоста.

В медленном умирании – своя прелесть.
Близкие обретают талант ненавидеть,
ты – невыразимое слышать и видеть.
Тебя отпускают легко, без сожаленья,
наивно считая концом мучений – рожденье.

2007

МУХА В ПРЕДВКУШЕНИИ

Ах как предательски
тело трепещет
 в сетях
 циркача
неужто и в этот раз
духу не хватит
 здать
 стрекача
канатоходец безжалостный
дремлет
 что ж ты
 скорей
жалом своим уничтожь
обморочь
 и
 пожалей
всё
 решено
 гибну
 прощай семья
пленник этих сетей
ты
не
я

1997

П О Р А ?

*„Пора, мой друг, пора!
...На свете счастья нет, но есть покой и воля“
„И дым Отечества нам сладок и приятен“*

Всё, что было сердцем хранимо, –
как при чуме
тут, в стороне,
гибнет в огне.

Счастьем угарным тлеющих душ
бредят тела:
видно, пора
сжечь всё дотла.

И налегке, с улыбкой изгоя,
тихо как мышь...
Только вот шиш
ты убежишь!

Дым сладковатый - смертельный,
желанный – тихая ложь –
всаженный нож:
судорог ждешь?

Будет тебе! Ни покоя, ни воли
нигде не найти.
Может, если и стоит
жить – то в пути.

1996

Н О Ч Ь

Тихо-тихо
гаснет вечер.
Слышишь
шорох крыш
под дождем?
Истекает жизнь...
На этом свете
остаемся лишь
мы вдвоем.

Мир качнулся –
значит, все решится.
Слышишь
слабый стон
на ветру?
Вечен мрак...
Или продлится
милой жизни сон
поутру?

1996

Н Е М О Т А

Звук, неизбежная мука, –
я тебе обречен до гроба.
Смысла постылого скуку
я шутя отгону от порога.
Легкую нить пульса
протяну над судьбой упруго
и забуду, что есть польза,
и тихонько шагну из круга.

Полнится белым цветом
немоты напряженной звучанье.
Вся палитра звука и света:
в пустоте, в тишине, в молчанье.
Пусть навсегда ты призван
в лабиринтах желаний скитаться –
брызнет вдребезги звуков призма,
стоит только довериться пальцам.

Тяжко брести вслепую,
каждый миг проклиная сомненья...
Что ж лукавить потом, толкуя
о каком-то там вдохновенье?

1993

* *
*

... И будет так: незрячие глаза поранит свет,
и память захлестнет: её ведь нет
нигде - во всем покуда теплом божьем мире,
где злой насмешкой обернулась благодать,
а Бога нет - бессмысленно роптать
и незачем тревожить тяжкий сон псалтири.

Нет ничего. В одно мгновение пена бытия
ушла - остались рваные края
простых земных вещей... Всё вспять покатится отныне:
теченье будней, ток событий, ход часов -
хитросплетенье чьих-то судеб, жестов, слов и снов,
впечатанных с сознание, как в глину.

Не перейти предела. Замкнут круг ...
(О, можно было б разорвать его одним касаньем рук!)
И ты в обратный путь отправишься запретный,
где вместо вёрст - мельканье милого лица,
оно согреет и простит, проводит до конца
и там рассеется с тобой в безмолвном ветре...

1992-96